

История Древней Руси

Романы о Древней Руси Бориса Васильева

«Вещий Олег»

«Ольга, королева русов»

«Князь Святослав»

«Владимир Красно Солнышко»

«Князь Ярослав и его сыновья»

«Владимир Мономах»

«Государева тайна»

«Александр Невский»

— Борис —
ВАСИЛЬЕВ

**АЛЕКСАНДР
НЕВСКИЙ**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1-1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В19

Дизайн серии *Андрея Фереца*

В оформлении книги использованы
графические рисунки *Милены Козловой*

В настоящем издании используются изображения
из коллекций *Bibliothèque nationale de France*,
Nasjonalbiblioteket, *The Library of Congress*

Васильев, Борис Львович

В19 Александр Невский / Борис Васильев. — Москва:
Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (История Древней Руси).

ISBN 978-5-17-162588-7

Роман «Александр Невский», продолжающий цикл исторических романов выдающегося писателя Бориса Васильева, открывает перед читателем панораму средневековой Руси. Князь Александр Невский, знаковая фигура русской истории, один из величайших правителей нашего Отечества, спасает страну от полного уничтожения в междоусобных войнах в тяжелейшие годы Батыева нашествия.

Блестящий полководец и отважный воин, он прославился в первую очередь как герой, который одержал великие победы — сумел одолеть шведов в Невской битве, за что получил свое прозвище, а также разгромить войско крестоносцев в сражении на Чудском озере, остановив нашествие католической христианизации на Русь. Он был также искусным дипломатом — его политика в отношениях с ордынскими ханами опередила время. В ее основу легли общеизвестные сейчас принципы: «Не в силе Бог, а в правде», «Жить, не преступая в чужие части», «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет».

Знаменитые битвы, искушения духа и победы над ними, любовь и страсть — всё это найдет читатель в романе Бориса Васильева.

УДК 821.161.1-1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-162588-7 © Васильев Б. Л., наследники, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Великий князь Владимирский Всеволод Большое Гнездо, сын Юрия Долгорукого и внук Мономахов, умирал несогласно. Может быть, потому, что жил согласно, разгромов и обид не претерпел, нагнал страху на половцев, а заодно и на сродственных князей, подтвердив и усилив роль и могущество великого княжения владимирского. А может быть, потому, что занемог внезапно, в кончину свою верить не желал и в гордыне от схимы отказывался. Об этом судачили ближние как в богатых шубах, так и в суровых рясах, но он-то понимал собственное несогласие: жаден был слишком. Жаден до жизни, до Большого Гнезда своего, устланного нежным черкесским пухом его женой, во святом крещении Марией, в любви и согласии одарившей его восемью сынами да четырьмя дочерьми. Но из всех двенадцати детей своих он больше всего любил третьего сына, Ярослава, в которого, как всегда казалось ему, и перелила Мария всю свою черкесскую страстность и красоту. Любил, баловал и прощал, но боялся, что по смерти его припомнят беспутному красавцу Ярославу и отцовскую слепую любовь, и отцовское слепое всепрощение. И это пугало и мучило великого князя настолько, что вместо скорбных попов да монахов повелел он собрать бояр, но смотрел на них грозно, вдруг разом все шепотки припомнив. Страшные то были шепотки да пересуды, будто отца его, великого князя и градостроителя Юрия Долгорукого, отравили руки, питье протянувшие, и шепотков этих никто так и не опроверг за всю его жизнь. А жизнь была наполнена победами и здоровьем, и, ощутив недомогание сильнее обычного, великий князь не согласился с ним, не восчувствовал знака, а вел себя так, будто завтра встанет, выпьет добрую чашу и помчит туда, куда поведут его либо дела, либо княжеский нрав. Но, будучи осмотрительным, всё же повелел сынам быть под рукою. И прискакали все, под кем конь не споткнулся.

Только старший Константин не явился пред грозные очи отцовы. Был он, как утверждают, добр душой,

заботлив и богобоязнен, с юности княжил в Новгороде, сумел не просто понравиться вздорным новгородцам — то не хитро, всяк знает, что плотники душою простоваты, — но и навел там порядок, кого надо — казнил, кого надо — помиловал. В него поверили, и он поверил, а отец до болезни неожиданно вызвал его и велел перебраться в Ростов, а потом вдруг передумал и с гонцом передал, чтобы Константин уступил Ростов Юрию. За такой изменчивостью неглупый сын углядел еще неясную интригу, Ростов уступать отказался и к отцу нарочно опоздал, ожидая, что там решат за него, а дальше видно будет. Всеволода это страшно разгневало, сгоряча он объявил второго сына Юрия своим преемником во владимирском столе, побушевал считанные минуты и отошел вдруг, как говорят, увидев в дверях опоздавшего Константина, но, однако, успел закрепить Новгород за любимцем Ярославом.

Вот такая передвижка наследников произошла у смертного одра Всеволода Большое Гнездо в считанные минуты. Никто, однако, спорить не осмелился, хотя Юрий гневно смотрел на расстроенного Константина. Остальные, как положено, горевали, а Ярослав три дня плакал, но, как утверждают современники, слезами скорее сладкими. Последнее неудивительно, поскольку засиделся горячий князь в тихом Переяславле-Залесском и получить во владение богатейший город того времени в двадцать один год от роду было куда как приятно, и приятность эту скрыть от очевидца он не сумел.

А после похорон братья разъехались по жалованным уделам, и борьба этих уделов между собой не только потрясла Великое княжество Владимирское, но и характеры самих осиротевших братьев. А ведь еще на поминках Константин сказал будто бы сам себе:

— В Греции хитрости учат, а не братолюбия.

Покойный отец их князь Всеволод и впрямь провел детство в Греции, но этих слов тогда будто не расслышали, а потом вспомнили о них. Как о пророчестве вспомнили,

потому что сказано было вдруг и вроде бы не к месту. А оказалось — к месту...

А Ярослав поскакал в пожалованный ему Великий Новгород с малой дружиной, распевая на радостях стихири. Но друзья детства, окружавшие его, в пение не очень-то вслушивались, по опыту зная, что бешеная черкесская кровь всегда проявлялась непредсказуемо и вроде бы без всякого повода. А старший из друзей боярин Ратибор, отменный боец и воин, а еще более отменный пьяница, буркнул в бороду:

— Не на того гляди, кто поет, а на того, кто подпевает.

Вот тут-то все и поглядели на молодого дружинника Стригу, с недавней поры получившего право держаться княжьего стремени. Стрига был красив, весел и певуч, дерзок и нахален и точно знал, с какой стороны меч. Это нравилось: дружина ценила отвагу, ловкость и воинское умение. Но Стрига обладал и даром угадывать потаенные княжеские желания еще до появления внешних признаков, никогда не ошибался, и это — настораживало.

— Стригунок, — сквозь зубы процедил Ратибор.

С той поры меж собой все его так и звали, помалкивали да приглядывались, зная, как любит юный князь не столько пиры, сколько молодецкие попойки. Тут границ он не признавал, а ощутив после добрых кубков близость замены в себе самом беспредельной княжеской свободы на столь же беспредельную черкесскую волю, как-то по-особому собирал в одну полосу черные черкесские брови, и тогда как из-под земли появлялись веселые голосистые девки, и в этом «из-под земли да ко времени» и заключались особые таланты Стригунка. А с девками князь ярости не жалел, почему и закрепилось за ним не полученное при святом крещении христианское Фёдор, а княжее, от язычества идущее, Ярослав. И тревожились, как бы с этого не началось и правление в Новгороде далеко от осуждающих глаз старых бояр и молодого великого князя Юрия, которого любил, слушался и даже побаивался

Ярослав. Но всё пошло не так. Не с дружеских попоек, а с гнева княжеского.

Первым делом Ярослав разогнал всю новгородскую власть, терпеливо и осмотрительно подобранную еще впадшим в опалу Константином. Сослав в Тверь нескольких людей именитых в цепях и позоре, отдал по навету двор вовремя сбежавшего дружка Константинова на поток и разграбление и взял под стражу его жену и сына. Эти весьма решительные действия дали толчок к столь же решительным действиям новгородской гольтыбы, которая тут же разграбила еще три двора, убив заодно и их хозяев. Тут уж князю доложили своевременно, а он лишь плечами пожал:

— Стало быть, таков гнев Божий.

Однако гнев покарал самих грабителей совсем не Божьим помыслом, кого убив, кого поколотив. Вот это Ярославу не понравилось, и он тут же велел доставить к себе исполнителя сурового возмездия.

— Знаю его, знаю! — радостно объявил Стригунюк, мечтавший отличиться не только в своевременной поставке веселых девок.

Никто идти с ним не рвался, пришлось взять десяток простых ратников, но он привел-таки на Ярославов двор рослого молодца с добрым мечом на поясе. Правда, молодец шел сам по себе на шесть шагов впереди ратников и самого Стригунюка, что было непонятно, и Ярослав вышел на крыльцо. Молодец сдержанно поклонился и молча ждал, что скажет князь.

— Ты кто? — наконец спросил князь, поскольку молчание затягивалось.

— Ярун. Вольный человек.

— Брату моему служил или отъехавшему князю Мстиславу?

— Ни тому, ни другому. Брата твоего Константина в Новгороде уже не застал, а с князем Мстиславом мы нравом не сошлись.

— Нравом с князем? Дерзок. И кто же тебя кормит такого?

— Вот мой кормилец. — Ярун положил ладонь на простые, обтянутые черной кожей ножны меча. — Кормил деда, кормил отца, теперь меня кормит.

— Ты убил трех новгородцев?

— Пятерых, — уточнил Ярун. — Двое в Волхове плавают.

— Мечом?

— Зачем дедов меч о воров поганить? Против них и кулак сойдет.

— И крепкий же у тебя кулак? — вдруг оживился Ярослав.

— Спроси тех, князь, кто в Волхове плавает.

— А ну, Стригунок, покажи ему свои кулаки! — неожиданно предложил Ратибор.

— Что, прямо здесь?

— Спаси в нем не по чину, — недобро усмехнулся Ярослав. — Укороти наполовину.

Стригунок неторопливо и с явной неохотой снял меч и полукафтаны и начал заворачивать рукава нарядной рубахи, изучающе поглядывая на противника. Вольный человек тоже снял оружие, аккуратно отложив его в сторону, и сбросил верхнюю одежду, под которой оказалась простая сорочка. Заворачивать рукава он не стал, а только повел широкими плечами, разминая их перед схваткой.

— Бей, Стригун! — резко выкрикнул князь. Исполнительный Стригунок тут же рванулся вперед, однако весьма точно нацеленный кулак его никого не нашел, и Стригунок пролетел сквозь двор, пока не уперся в почерневшие от времени бревна тыльной стены церкви Успенья Божьей Матери. В полной растерянности он оглянулся и обнаружил Яруна на прежнем месте, у крыльца, всё так же неторопливо разминающего плечи. Вид Стригунка был настолько растерянным, что княжеское окружение уже смеялось в голос. Точно пришпоренный этим смехом, Стригунок тут же бросился в новую атаку, опять

никого не встретил и остановился, уткнувшись в ратников у ворот. И тут уж захохотали не только бояре.

— Да он драться не хочет! — обиженно воскликнул княжеский любимец.

— Велю, — весомо обронил князь.

Ему нравилась ловкость Яруна, веселила неуклюжая старательность Стригунка, но схватка должна была выявить победителя. Он уже понял, что им окажется «вольный», то есть не связанный никакими обязательствами неизвестный витязь, и в голове его шевелились кое-какие соображения, с которыми он сам пока еще не соглашался.

И опять Стригунок сорвался с места молча, без предварительного уведомления, которое предусматривали неписанные законы кулачных поединков. На сей раз Ярун не шагнул в сторону, а просто нырнул под нацеленный кулак, встретив нападающего резким ударом в подбородок. От этого удара Стригунка подбросило в воздух, и приземлился он всей спиной разом сажень в трех, как не без удовольствия отметил Ратибор. Ударился о землю, встать не смог, и к нему кинулись ратники. А никому не известный витязь спокойно оделся и прицепил меч.

— Проходи, — неожиданно сказал Ярослав и посторонился.

Ярун молча пожал плечами и мимо князя прошел в покои.

2

Князь угощал победителя в малой трапезной, приказав отменно накрыть стол, но сам не ел, так как дело происходило после полуденного сна. Ярун же поглощал яства усердно, стремясь не только насытиться, но и получить удовольствие. Он знал толк и в закусках, и в дичине, и в напитках, и это Ярослав приметил.

— Кто же ты будешь, Ярун? На простого дружинника не похож, а одежды твои куда хуже, чем у моих ратников.

— Скажу без имен, не гневайся, князь.

— Почему?

— А потому, что не хочу на их головы ни любви твоей обрушивать, ни тем паче гнева княжеского. Достойных в живых нет, а недостойные ни твоих, ни моих забот недостойны. Я — сын известного тысяцкого, вскормлен им, обучен и воспитан с любовью. Только он из битвы в домовине вернулся, никаких распоряжений отдать не успел, и при дележе имущества выяснилось, что я хоть и единокровный, да незаконный, а потому и показали мне от ворот поворот. Пока до Новгорода добирался, конь мой по дороге от стрелы пал. Вот эту стрелу я князю Мстиславу и принес. Отдай, говорю, обидчика на полную мою волю, потому как стрела эта с метой твоего дружинника, а целился он не в коня, а в меня. Князь Мстислав сказал на это, что нет у него такого в обычае, чтоб своих отдавать. Поспорили, повздорили да и разошлись.

— А пятерых зачем убил? Плечи застоялись?

— Несправедливостей не люблю, а татей — ненавижу. Они ведь не только мужей именитых убили, они и над женами их надругались, тебе это ведомо?

Ярослав промолчал. Витязь осушил кубок, закусывал изюмом с орехами и явно ждал, когда князь заговорит. Но князь продолжал молчать, потому что одно дело — спалить дом и убить хозяина, и совсем другое — обесчестить его жену. И он размышлял сейчас, как поведет себя новгородский владыка.

— А кому еще про то ведомо? — спросил он наконец.

— Не мой трудязыком болтать, — сказал Ярун. — Забот у Новгорода и без меня хватит. Лето мокрое да холодное выпало, селяне и того не взяли, что в землю бросили. Ты с богатым вкусом пируешь, а в Новгород голод стучится.

— Здесь я — господин.

— Здесь господин — сам Великий Новгород, князь. Не руби сук, на котором их волей сидишь.

— А ведь ты — новгородец. — Тонкая черкесская улыбка Ярослава не предвещала ничего хорошего, но

об этом знали только приближенные. — Как смеешь учить меня, смерд!

— Все мы — смертны, — усмехнулся Ярун и встал. — За угощение низкий поклон тебе, князь. Признаться, неделю хлеб квасом запивал.

— В дружину пойдешь мою? У стремени место определяю.

— У твоего стремени тот вьется, кому сейчас рыло чинят.

— Беру! — с гневом заорал Ярослав. — Скажи ключнику, чтоб выдал тебе всё, на чём глаза остановишь. — И неожиданно дружелюбно улыбнулся: — И как ты угадал, что я дерзких люблю?

На том и порешили, потому что князь всегда упрямо добивался того, что вдруг взбрело в голову, а Яруну просто некуда было деваться. Единственное право, которое он себе всё же выговорил, заключалось в том, что во дни буйных княжеских пирушек он непременношим образом должен был отряжаться руководить стражей.

— Новгородцы вас хмельных перережут. А тебя, князь, в исподнем в отчий край выставят. Это ведь — новгородцы.

С этим Ярослав согласился, но зато теперь Ярун покорно ездил возле правого княжеского стремени в богатых одеждах, новой броне, но с дедовским мечом в простых черных ножнах. А очухавшийся Стригунок замыкал последний ряд, хотя князь по-прежнему вспоминал о нем, когда возникали пред захмелевшими очами манящие воспоминания о сладостных утехах. Только тогда о Стригунке и вспоминали, а так вроде и не было его. И злая обида росла в нем, как поганый гриб, но все его шепотки и намеки Ярослав и слышать не желал.

Но и делать ничего не делал, а разбой в Новгороде тихо, но неуклонно возрастал. Правда, людей именитых больше не трогали, но зажиточных и торговых трясли чуть ли не раз в неделю, и владыка пока еще особо не вмешивался. Может, потому, что Ярун немедленно

выезжал с отроками на место очередной татьбы, а может, просто пока приглядывался к новому князю. А рядом с разбоем прорастал и голод, уже став ощутимым по растущим ценам на самое простое пропитание, вплоть до репы. Посадник дважды посетил князя, упорно напоминая о бедствии, князь заверял, что обозы с хлебом вот-вот должны подойти, но сам ничего не делал. Не по злому умыслу, а только по легкомыслию. Послал, правда, человека к брату Юрию, но просьбы о хлебе не подтвердил по забывчивости, а вскоре с удивлением обнаружил, как оскудел его собственный стол.

— Смердящей едой кормить меня вздумали?

— Еду достанем, светлый князь! — бодро пообещал подвернувшийся под руку Стригунок. — Повели только!

Князь повелел, и через несколько дней, уже по зиме, ловкий подручный со своими отроками пригнал в Городище богатый обоз. С пшеницей и горохом, с белужинной, сига́ми и сушеными снетками, с южными лакомствами, ветчиной, салом и винами.

— Откуда? — сурово спросил Ярун, не получил ответа и объявил, что пировать не будет, но возьмет на себя охрану.

А Ярослав закатил пир. Гуляли на том пиру долго и шумно, орали до хрипа, жрали до икоты, пили до блевотины, требовали девок и тут же получали желаемое. Но когда наступило похмелье, а княжья голова еще не совсем прояснилась, явился от владыки почтенный старец, известный и Новгороду, и князю, и дружине, седой как лунь и весьма суровый.

— Твои люди, князь. Господина Великого Новгорода, перехватили обоз, что шел во владыкин двор!

— Знать о том не знаю и ведать не ведаю. Старец развернул свиток и торжественно зачитал:

— «Да отстанем же от жадности своей, братия возлюбленная моя и ты, призванный народом новгородским князь Ярослав! Яко и апостол Павел пишет: всему же день, то день; всему же урок, то урок, и никому насилия

не творить, не воровства не творить, не беззакония не творить».

А на словах добавил:

— Привези хлеб городу, князь, а коли не привезешь, то и отъедешь от Господина Великого Новгорода.

С тем и ушел, поклона не отдав. А князь, с хмельной головы впав в неистовство, тут же велел собираться всей дружине. Напрасно Ярун, Ратибор и еще несколько опомнившихся умоляли его отменить повеление, поехать к владыке с покаянием, вернуть ему пограбленный обоз и выдать Стригунка головой: Ярослав и слушать не желал. Обрывал разговоры, злился, а потом вдруг выкрикнул:

— Я здесь владыка!

Это уже звучало почти кощунством, и все замолчали. И начали готовиться к отъезду: кто в веселом ожидании сытости и довольства, а кто и со смятенной душой, и число таких увеличивалось, потому что — трезвели. А после полудня выехали настолько поспешно, что князь отменил даже послеобеденный сон, завещанный еще пращуром Владимиром Мономахом. Но оказалось, что вовремя выехали: на всех площадях, перекрестках и улицах толпился народ. Молчаливый, голодный и озлобленный.

Заночевали в поле, по-походному, но доспехи, правда, сняли. А на другой день на подъезде к Торжку ловко пущенная стрела вонзилась в неприкрытую кольчугой спину Яруна, ехавшего у правого княжеского стремени.

Очнулся Ярун в постели. Мягкой, пуховой, для него непривычной. И первым, что увидел, было светлое, милое девичье лицо, а первым, что услышал, был женский шепот:

— Отсасывай яд всё время, Милаша. В нем не должно ни капли остаться. А я схожу за молоком.